

Я в списке Комитета Трёхсот – самых богатых и влиятельных людей в мире. Купаюсь в роскоши. Что хочу, то получаю. Но не завидуйте мне. Вы ничего не знаете. Моя работа, за которую мне на счёт стекаются ручейки «добра», а в записную книжку капают лужицы контактов людей «с возможностью-ми», очень тяжела. У неё имелось начало, но не предвидится конца.

От меня ушла Великая Любовь – из-за неё, работы. Любовь ждала, когда я останусь с ней целиком, и не дождалась. Не нашлось ни минутки свободной для Любви. Но я же старался ради НЕЁ! Не ради себя.

Ушла и ушла. Всё.

Из потерь: я нигде не бываю, кроме ресторанов, клубов и официальных, полуофициальных и неофициальных мероприятий моего круга.

Как пахнут серёжки ольхи? Медуница? Весна? Не помню. Это потеря.

Из потерь: у меня Знакомые и Связи. Друзей нет.

Из потерь: мои чувства атрофированы. Я много лет живу чувствами других, если нахожу их в текстах. Смогу я возродить себя, если перестану работать? Не знаю. Не пробовал.

На экране первый текст. Я, господа, единственный человек на Земле, который не пишет книги, а читает их. За это мне и платят.

Что это? Чьё это? Виллевалде... Глаза свихнёшь. Звоню. Оказалось – банальный белобрысый Юра Бабыкин. Виллевалде – псевдоним. За две тысячи семьсот пятьдесят даю новый ник: Гарро. Юрий Гарро! Ничего, да? Расцветает Юра Бабыкин-Виллевалде. Бормочет благодарности, объясняет, что Виллевалде – его предок, герой Второй мировой войны двадцатого века, воевал на стороне России. Про него он, собственно, и написал. И вставил эксклюзивные фото. Оговариваем мой гонорар. Юра Гарро отключается. А я включаюсь в процесс.

Повесть «Десять минут вечности» о предке Юры Гарро-Бабыкина прочитана.

Плюсик.

В ответ – благоговение и восторг. Я ими подпитываюсь вместо белков и углеводов. А мой счёт подпитывается свежим ручейком «добра».

На экране новый текст. Егор Елышев. Ничего, но как-то пресно, не так ли? Глянул на присланный видеофейс. Чернявенький парень. Узкоглазый. Наверное, помесь русского с китайкой. Вызываю, предлагаю новый псевдоним: Игуен. И тот же тариф. И уже потом погружаюсь в текст книги под названием «Чёрный голубь, жёлтая кукуруза». Любовь под шум волн, трагедия, слёзы, срыв, небо. Китайские рисунки.

Прочитано. Плюсик.

В ответ – благоговение и восторг с ноткой всхлипов. Похоже, Игуен-Елышев описывает себя самого. Что ж. Это вполне допустимо. Чужой опыт сложно описать как свой. Ага, вот и ручеек «добра» в моё финансовое море.

Мой рабочий день не окончен. Смогу осилить ещё два текста. Однозначно. Вспыхивает на экране заглавие: «Подвальные котятя». У меня нет кошек. С ними надо играть, их надо гладить и кормить, а ещё убирать за ними шерсть и туалет. А мне абсолютно некогда.

Автор «Подвальных котят» – некая Ольга Ледошук с ником Легеза. Ничего у неё воображение. Отнюдь не подвальное. Связываться не стал: ник нормальный, а видеофейс тривиальный: прилизанная белизна с жалобно-жёсткими голубыми глазами и капризным изломом губ. Что такая своеобразного напишет?! Но договор есть договор. Раз уж я единственный Читатель на Земле.

Читаю Легезу, «Подвальных котят». Действительно, про котят. И на рисунках они же.

Прочитано.

Плюсик.

В ответ – благоговение и восторг с нотками торжества и превосходства.

Подписываюсь.

Но, видишь ли, мадам Легеза-Ледошук, если и прочитано, то не всегда зачитано. Текст у тебя – на один раз – и к забвению.

У Юры Гарро на сей момент вещь лучшая.

Но глянем на последнее в этот день произведение. «Крепость с бассейном и фикусом на окне». Меланхолин Коля. Коля Меланхолин. Совсем как колокольчик. На видеофейсе юное лицо. Пятнадцать лет мальчику. Взгляд умный по крайней мере. Но что интересного напишет такая зелень?!

А у него – просто и душераздирающе.

До переворота.

До взрыва.

Как ему это удаётся, в его-то пятнадцать лет?! И рисунки сам рисовал...

...Все пишут. Издают книги. Ставят во Всемирную электронную библиотеку. Пишут, чтобы читали. Но никто не читает, потому что все пишут. Ещё четверть века назад читателей было больше, чем писателей. А потом читатели задумались: мы напишем лучше, мы теперь знаем, как надо! И один за другим стали открывать чистые страницы на своих экранах и заполнять их словами и знаками препинания.

И вот читатели исчезли, превратившись в писателей.

Я не сдался. Я не написал ни строчки. Я единственный Читатель на Земле. На чтении я сколотил состояние, и теперь я член Комитета Трёхсот. Богач и власть имущий.

А этот Коля Меланхолин меня перевернул. Взорвал.

За много лет работы я превратился в сосуд, в который лили много разных жидкостей, но ни одну никто не выпил. И я тоже.

А сейчас... мне хочется пить. Мне хочется знать и делиться знаниями. Хочется чувствовать и делиться чувствами. Мне хочется видеть и показать другим, что видели мои глаза! Мои ощущения, мои новые мысли, я хочу, чтобы о вас знали!

Ох, Коля Меланхолин и твоя «Крепость с бассейном и фикусом на окне»!.. Где ты это нашёл? С чего ты рисовал?.. Я погружаюсь не только в текст, но и в твои рисунки...

На экране теснятся присланные на читку заглавия.

«Барабулочки берём!».

«Камень с дыркой».

«Мальчик играл в арбуз».

«Музыка исчезающего ветра»...

Выгодные предложения, полноводные реки для моего счёта-моря, чьи берега открыты для слияния с океаном...

А я читаю слова в собственном мозгу.

«...Первый день на море. Хожу, как будто уже прощаюсь и в последний раз вижу синь, мощь, ликованье южного берега...

...Мальчик поливает морской водой серые камни на берегу. Камни безжизненны и равнодушны к воде. Она стекает с их округлых боков и высыхает мгновенно.

...Юноша-гитарист и девушка-скрипачка играют грустные мелодии в тишине вечерних адлерских улиц. А в стороне, за углом, у стены дорогого кафе сидит баянист, в седине и морщинах. Звуки баяна мощны. В них вызов тому, что ушло в клетушки воспоминаний...

...Пляж и закат. На серых камнях истекает жёлтым огнём толстушка свеча. Мужчина следит за пламенем, как за горением жизни своей.

...Яркий бело-жёлтый метеор шьёт иголкой свою ткань ночного неба. Взрывается крошечным фейерверком. Яркие искры безропотно тонут в широких полотнах волн.

...Толстые молнии на длинном горизонте бьют в волны. Вскипает вода. В ней гаснет небесное раздражение.

...Мутные призрачные горы, одна другой выше, будто соревнуются в доставании неба. Одна на другую карабкается, как по лестнице вверх. Насилье туманной хвори. Плавная величавость. Неразбуженная ленивость...

...Волненье на море. Бессчётные белые пальцы виртуозно играют сюиты, сонаты и сонатину, симфонии на синем рояле глубокой воды...

...Солнце за тучу ушло. Меркнет море. Ветер уносит на камни сине-белый пляжный зонт. Волны раздражены. Стайки тонких серебряных рыбок поблёскивают на дне. Волны плюются тоской: им хочется отдохнуть. Не биться о твердь головой, а сонно катить к берегам...

...Облака разрастаются в тысячекилометровую тёмно-серую руку. Рука несёт в себе дождь. А по краям – небесная чистота...

... Набережная держит на себе тела синих баркасов. Затихли до осени. Спустят на воду, пошлют в море рыбу в сети ловить. Отдыхают баркасы. Ржавеют ключи. Раскаляются мачты. Вонзаются в воздух округлые крючья якорей...»

Я встаю. Уезжаю. Это далеко, если на экспрессе. Недолго, если на «Буране». Но как, если пешком? Выхожу, едва понимаю своё желание и прокладываю путь – не в южном, а в северном направлении. На него уходит год. А когда, наконец, я добирюсь до острова в тиши озера среди лесистых Уральских гор, то встаю на гранитную плиту, выступающую серым языком из древней скалы и усыпанную белыми кляксами чаячьего помёта, и долго стою.

Долго стою.

И не надо счёта-океана. Не надо работы. Не надо Связей.

Хочу открытий. Хочу жертвовать собой. Хочу великую любовь. Хочу друзей. Хочу свою жизнь. Хочу испытывать. Хочу верить в Бога. Хочу писать.

Почему нет, Коля Меланхолин? Я хочу СВОЮ «Крепость с бассейном и фикусом на окне». Я достаю блокнот, ручку и пишу первое слово.

Хлоп! Теперь некому читать.

...Хотя нет. Я пошлю свой первый рассказ Коле Меланхолину. Он прочтёт. Я знаю.